

Александр Борун

Заклятие лабиринта

18+

Александр Борун
Заклятие лабиринта

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Борун А. Ф.

Заклятие лабиринта / А. Ф. Борун — «ЛитРес: Самиздат», 2002

От лица девушки-агента по особым поручениям, которую очередное поручение мистическим образом заводит в безвыходный городской лабиринт, полный смертельных ловушек. Но, в конце концов, Добро побеждает Зло.

Содержание

ЗАКЛЯТИЕ ЛАБИРИНТА	5
Глава 1. Принеси то – не знаю что	5
Глава 2. Ну кто так строит?!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

ЗАКЛЯТИЕ ЛАБИРИНТА

Глава 1. Принеси то – не знаю что

– Всякое на заданиях случалось, но такого еще не бывало, – пожаловалась я неизвестно кому, подавленно осматривая очередной квадратный двор, окруженный со всех сторон многоэтажным домом, куда я вошла через арку из соседнего такого же двора. Мне очень плохо, и телу и душе, после всех почти что удачных попыток меня прикончить. Я в изнеможении. И в отчаянии. Готова просто лечь и сдохнуть. День кончается, и моя жизнь, похоже, приходит к концу вместе с ним. Днем мне еще каким-то чудом удавалось спастись из всех ожидавших меня ловушек, притом не без ущерба, а уж ночью, я чувствую, закливание лабиринта не даст мне никаких шансов...

–шансов–шансов–шансов–

Шансов на самом деле не было уже утром, когда все начиналось. Уже тогда меня мучили дурные предчувствия. Но еще можно было себя убедить, что все совсем не так плохо...

–плохо–плохо–плохо–

Плохо рассказываю: забыла представиться. Меня зовут Марина Серова, для друзей и в опасной обстановке для краткости Ринка, мне двадцать восемь лет, и иногда кажется, что молодость безвозвратно прошла. Сейчас я частный бодигард, то бишь телохранитель. Очень хороший, широко известный в соответствующих узких кругах и довольно дорогой. Последнее время прикидываю, не сделаться ли частным детективом, как одна моя знакомая. Немного поднадоело, что приходится много и однообразно работать руками и ногами, а ведь накопившийся опыт уже должен позволить заменить беготню и драки на работу мозгами. Так и так иногда приходится ради сохранения жизни клиента работать детективом. Например, совсем недавно на одну клиентку наезжали, требуя вернуть деньги, одолженные еще ее мужем, ныне уже покойным, и пропавшие. Спасти ее можно было, только найдя эти деньги. В конце-то концов, я вычислила, что муж не просто так умер от сердечного приступа, и деньги не просто так случайно таинственно исчезли, оба события организовал один человек, считавшийся другом покойного и его жены. И задача была решена. А скольких неприятностей, связанных с наездами займодавцев, можно было бы избежать, догадайся я об этом сразу... Ну ладно.

Я начинала с учебы в Ворошиловке. Там меня подготовили к работе «тихого» шпиона. В должности незаметного технического работника какого-нибудь посольства. Ведь ни для кого не секрет, что посольства занимаются шпионажем почти официально. Иногда шпионы, работающие в посольстве в какой-нибудь стране, настолько надоедают контрразведке этой страны своим постоянным мельтешением, что их принудительно меняют на других таких же. Это делается согласованно, взаимно высылаются сотрудники обеих стран, имеющих друг у друга посольства...

Ладно, проехали. Все равно ни в какое посольство я не попала. В числе немногих выпускников меня направили в особое подразделение «Сигма». Там я приобрела навыки, позволяющие выживать в опасных ситуациях. Но применить их, будучи в «Сигме», не успела.

Всего за месяц произошло подряд несколько событий, катастрофических для моей карьеры диверсанта.

Полковнику Анисимову, шефу «Сигмы», человеку, научившему меня тому, что я теперь собой представляю, было как раз пора получать очередное звание. За большие заслуги. Документы на присвоение ему генерал-майора уже были выписаны и подписаны. Я уже про себя стала называть его «товарищ генерал», чтобы привыкнуть. Вместо этого случилось так, что он был разжалован и отстранен от командования «Сигмой». Он получил от руководства преступный приказ, выполнение которого повлекло бы массовую гибель людей, и отказался его выполнить. Честь оказалась несовместима с карьерой.

В это нелегкое время, когда он так нуждался в помощи и поддержке, его жена и дочь, недовольные потерей материальных благ, устроили ему обструкцию. Я им этого никогда не прощу. Не выдержав сражения на два фронта, так и не ставший генералом полковник Анисимов покончил с собой.

Мне разонравилось в органах, и я решила уйти из них. Это не так-то легко, но мне помог отец. Он генерал, имеющий большой вес в наших Вооруженных силах. А мы с ним тогда еще не поссорились. Это произошло позднее, после смерти матери, от которой он оскорбительно быстро оправился...

Возможно, так легко меня все равно бы не отпустили, но вскоре и все особое подразделение распустили на вольные, так сказать, хлеба. Безработных агентов оказалось так много, что никому уже не было дела, кто из них как оказался безработным.

И я из агента по кличке Багира превратилась вот в это редкое явление, леди-бодигарда, как меня шуточно называет один знакомый программист. Впрочем, грех жаловаться, мне вовсе не плохо, многим пришлось гораздо хуже. Более того, когда я привыкла к своей новой работе, у меня появились некоторые дополнительные претензии к прежней.

Именно дополнительные и именно к прежней. Не могу сказать «запоздалые претензии» и «к бывшей работе». И вот почему.

Произошло как-то одно событие. Тогда казалось, что это был случай...

–случай–случай–случай–

Случай занес меня как-то на Германскую улицу. Тогда еще это был проспект Кострикова. Но уже сделанный, в подражание Арбату в Москве, пешеходной улицей. С пешеходными переходами через пересекающие его обычные улицы, по которым по-прежнему двигались машины.

Время было интересное, переходное. (Китайцы ругаются: «Чтоб ты жил во времена перемен!») Происходящее еще называлось перестройкой и демократизацией. (Шутка того времени: «Чем демократизация отличается от демократии?» – «Тем же, чем канализация отличается от канала!»). Но уже становилось ясно, что эксперимент с фермерами проваливается. Хотя и было еще неясно, что это происходит потому, что у земли давно есть настоящие хозяева, которым конкуренты не нужны. Ожидался голод. Который так и не настал. Или настал для некоторых слоев населения, это как посмотреть. А тогда была тихая паника. Население старательно запасало продукты. (Мужчина, уставший стоять в длинной очереди: «Да когда же наконец этот голод наступит?!»)

Вот и я, проходя по Кострикова, куда незадолго до того свернула с улицы Звезд Султана, увидела традиционную длинную очередь за чаем и, поддавшись общему настроению, встала в нее. Все равно я гуляла по центру Тарасова совершенно бесцельно, отдыхая после дела с музыкантом, на которого вдруг по неизвестной причине началась охота, но потом, при моем участии, все кончилось благополучно.

Есть на Кострикова единственный на весь Тарасов магазин «Бурундучок», в котором даже во времена застоя иногда давали индийский чай. Вот и теперь казалось, что времена дефицита вернулись.

Очередь была длинная, но двигалась быстро. Потому что, пока дают чай, никто больше ничего в «Бурундучке» не покупает, ни конфет, ничего. Почти все, получив свои две пачки, вставали снова. Многие старались занимать еще чаще. Займут в конце, продвинутся человек на десять, скажут, что еще подойдут, и снова в конец – вторую очередь занимать. Потом еще. Другие с этой практикой боролись... В общем, все как всегда.

Я купила чай один раз, и задумалась, вставать ли снова. Я-то к чаю почти равнодушна, стараюсь ради тети Милы. Но от длинных очередей начала уже отвыкать. И привыкать снова очень в лом было. С другой стороны, две пачки – маловато...

Тут меня потрогали за рукав. Я обернулась. Какой-то седой пенсионер в шляпе подмигивал мне и мотал головой в сторону: дескать, давай отойдем. Я подумала, что он хочет предложить мне того же чаю, но в менее ограниченном количестве и за менее ограниченную цену и пошла за ним. Если бы хотел продать занятое им специально место в начале очереди, предложил бы сразу.

Отошли за угол. Подошли к скамейке. Пенсионер поставил на нее свою старую хозяйственную сумку и раскрыл ее. Там были пачки чая. Но, вместо того, чтобы доставать их, этот тип снял шляпу и зачем-то закрыл ею чай.

Сначала я подумала, что он увидел поблизости какую-то опасность для своей торговли, и огляделась. Ничего подозрительного. Потом до меня дошло, что вместе со шляпой он снял седой парик и густые насупленные брови и остался совершенно лысым. Я чуть не упала, и он помог мне сесть на скамейку: это был Анисимов! Лысый, а не стриженный ежиком, и морщин на лице стало гораздо больше, но живой!

Когда схлынула первая сумасшедшая радость, я обиделась. Собственно, как я вдруг поняла, я, оказывается, обиделась на полковника еще раньше – когда он, человек, научивший меня выживать в любой ситуации, добровольно, пусть и оказавшись под очень сильным давлением, ушел из жизни. Это заставило меня усомниться в том, чему он меня учил.

Теперь этот мотив отпал, но появился другой.

– Я вас в гробу видала, полковник! – сказала я.

– Муляж, – отмахнулся он.

– В гробу я вас видала, полковник, – переформулировала я и встала со скамейки, – в белых тапочках. И похоронила, между прочим.

– Сядь, Ринка, – сказал он жестко. – Так было надо.

Я села.

Он тоже сел и все мне рассказал.

Самоубийство Анисимова было грандиозной мистификацией, проделанной для защиты от бывшего начальства, которое осталось им в высшей степени недоволено. Точнее, недоволено не в высшей степени, а вплоть до высшей меры...

Он же только поменял имя и – совсем немного – внешность. Теперь он был полковник в отставке Нисимов. А я еще считала раньше, что полковник не склонен к юмору. Я-то не осмелилась бы взять такую фамилию. Все-таки она слишком смахивает на прежнюю. Назвалась бы Ивановой, как та моя знакомая, леди-детектив. А с другой стороны, фамилия, хоть и получена простым удалением первой буквы, скорее напоминает о Юкио Мисиме, чем о фамилии Анисимов, нет? Юкио Мисима – это тот скандальный японский писатель, который писал всякие гадости, а потом покончил с собой. Только он это сделал на самом деле. А впрочем, кто его знает. Может, живет и наслаждается скандальной славой. Только что это за наслаждение, когда он не может сказать, что слава-то его! Вот нам с полковником никакая слава не нужна. Она вредна для здоровья. Хотя, как телохранитель, я уже широко известна в узких кругах. Но об этом я, кажется, уже сказала? И это уже в новой профессии. Тут некоторая ограниченная определенными рамками слава даже полезна.

После первоначального восторга, обиды и снова восторга, в которые я впала, когда он нашел меня и все это рассказал, я и сама сообразила, что недаром мне казалось невероятным, как это человек, учивший меня выживать, мог добровольно уйти из жизни! Но это задним умом.

Не знаю, кому еще из «Сигмы», кроме меня, он оказал честь таким доверием. «Вдове» и дочке точно не сказал. Предавший раз предаст снова. Но кого-то он еще определенно разыскал. И какое-то подобие структуры «Сигмы» ему удалось сохранить. Он верил, что она еще пригодится. Я – нет. Но поручения по старой дружбе иногда выполняю.

С другой стороны, он с тем же основанием делится со мной кое-какими сведениями, которые оказываются мне нужны для частной деятельности. Мне самой было бы их добыть невозможно, или это было бы настолько долго, что уже оказалось бы слишком поздно. Что практически тоже означает «невозможно».

–невозможно–невозможно–невозможно–

– Невозможно подумать, что такая погода случайна! – сердилась я.

На этот раз была моя очередь оказывать услугу. И, конечно, ливень тут как тут!

Мой “Фольксваген гольф” после очередных приключений был в ремонте. Ведя недавно купленную как раз на такие случаи неприметную «шестерку» мышиного цвета по срочному вызову экс-шефа, я старательно перевоплощалась в агента Багиру. Морально готовилась к не вполне законным, а может, и не вполне чисто плотным действиям для выполнения не вполне понятного задания во имя не вполне понятных целей – и все за вполне умеренные бабки. Дома я оставила тетю Милу, как раз готовившую на обед что-то, судя по запаху, очень вкусное, и машинально старалась догадаться по запаху, что бы это такое могло быть. Это мне не мешало, потому что, хотя с тетей Милой я стала жить после ссоры с отцом, а она произошла, как вы понимаете, после того, как я ушла из органов, но и как Багире мне уже приходилось так же вот гадать, отправляясь за заданием.

Погода тоже скорее помогала вжиться в нужную роль. Машина, как катер, рассекала бурные потоки воды. Ехать до конспиративной квартиры было всего ничего – пару кварталов по улице с рабочим названием Пролетарская. В хорошую погоду я бы с удовольствием прошагала их пешком. Но во время таких поручений почему-то всегда льет, как из ведра. Как будто природа предостерегает. Я и рада бы внять этим предостережениям, но, увы, совсем не все то, что мне приходится делать, зависит от меня... Вот мои рабочие качества не зависят от настроения, и это хорошо, потому что, помогая превратиться в дикую кошку Багиру, эта отвратительная погода одновременно испортила мне настроение. Кошки не любят сырости.

Загнав машину по тротуару к самому подъезду, я вылезла из нее, раскрыв вначале над местом высадки зонтик. До козырька над подъездом оставалось два шага. Однако, несмотря на раскрытый зонтик и столь короткое расстояние, я все равно в качестве завершающего штриха получила изрядную порцию воды в кроссовки и на джинсы. Похоже, кто-то попытался забраться куда-то по водосточной трубе слева от подъезда. Не знаю, куда, и не знаю, удалось ли, но теперь труба была отломана на высоте пяти метров, там, где огибала карниз, и ее уцелевшее колено изображало горный водопад, свысока орошая окружающую местность. А некоторые из орошаемых предметов например, край бетонного крыльца, были недовольны слишком большими размерами этой благотворительной помощи и щедро делились ей с каким попало окружением, например, с моими ногами. Бодрости духа мне это, естественно, не прибавило. Хотя, казалось бы, чепуха по сравнению с опасностями моей жизни. Но, как дополнение к ожиданию невеселого задания, это поведение погоды и трубы казалось особенно подлым и даже каким-то зловещим. Труба! Слово-то какое, тьфу.

Пока я мрачно снимала промокшую обувь, выливая из нее благотворительную помощь в унитаз, выкручивала и развешивала для просушки носки, покойник Анисимов, то есть, пардон, полковник Нисимов не торопил меня. И не сказал ни слова относительно того, что когда я, наконец, уселась в кресло перед его столом, то нагло закинула одну босую изящную ножку с закатанной до колена штаниной на другую, тоже с закатанной штаниной, но в тапке. Тапки были велики, потому один тапок я оставила на полу. Он только выразительно посмотрел на часы. Не тапок, а шеф. И я поняла, что задание будет необычным.

То, что он не смотрел на мою стройную, но мускулистую ножку, было как раз нормально. Он всегда старался не замечать того, что я – привлекательная молодая женщина. И продолжал так себя вести даже и после того, как столь оригинальным образом скрылся от жены. Уж не знаю почему. Наверное, иначе ему было бы труднее давать мне опасные поручения? Но уж в вопросах удобства гостей – пусть, в каком-то смысле, все еще подчиненных – он всегда был на высоте. Стройность ножек он мог не видеть, но промокшую обувь не заметить не мог. В смысле, раньше всегда замечал. А теперь увидел только, что я долго возилась в прихожей. Так что и я вмиг забыла о таких глупостях, как вода в кроссовках. Слепота Нисимова обещала задание не просто необычное, это слабо сказано. Задание собиралось оказаться настолько поганым, что слушать надо было предельно внимательно, чтобы случайно не упустить шанс выжить!

– Должен тебе признаться, Ринка, – начал он, – я и сам ничего не понимаю.

Я от удивления чихнула, и БГ (так я про себя называла его, сокращая слова “бывший генерал”). Хотя на самом деле он бывший полковник, а генералом так и не стал. А по справедливости должен был стать!) опять взглянул на меня неодобрительно. Но это новое свидетельство его невнимания к моему состоянию меня уже не задело, и сильнее бояться предстоящего задания я не стала. Куда же больше! У меня уже и так мурашки бегали по спине. Он снова уткнулся глазами в стол, как будто на единственном чистом листке, лежащем перед ним, было что-то написано и он читал это мне вслух. Так ему было легче сосредоточиться. Но прибежал он к этому способу очень редко. Только тогда, когда ни в коем случае нельзя было не только словами сказать что-то лишнее, но и интонацией или взглядом дать какую-то подсказку, намек, который позволит дополнить выданную им информацию до чего-то абсолютно секретного.

– Обычно я даю тебе конкретные задания: пойди туда-то и туда-то и принеси то-то и то-то, – продолжал он. – Сейчас тоже нужно сходить в определенное место. Но определено оно только географически. То есть, адрес имеется. Но что там находится, я не знаю. И цель посещения точно определить затрудняюсь. Поэтому мне придется отступить от обычных правил и дать тебе больше информации. Предысторию, так сказать. Чтобы ты могла сама там, на месте, разобраться и сообразить, что к чему.

Я еще раз чихнула, и удостоилась третьего неодобрительного взгляда.

– Началось все это давно, – стал он снова читать по пустой бумажке, – но трудно сказать определенно, что именно началось. Не вытаращивай глаза, сейчас поймешь. – Я моргнула и поспешно сделала равнодушное лицо. Смотрит-то он в бумажку, а сам за моим лицом, оказывается, наблюдает. Ну, это я и сама умею. Только я думала, что он в бумажку смотрит и для того, чтобы на меня не смотреть. Оказалось, нет.

– Задумано это было вроде бы как широкомасштабное проникновение агентов нашего ГРУ в их ФБР, – наконец, перешел к делу БГ. – Для этого, однако, надлежало сначала допустить проникновение в ряды нашего ФСБ, а тогда еще КГБ, строго дозированного количества агентов их ЦРУ. Конечно, они должны были оставаться под колпаком. Естественно, не зная об этом. А уж с их подачи наши просачивались бы к ним.

Дело, казалось бы, хорошее.

Но кое-кому, имен называть не буду, уже тогда казалось, что от этой операции тянет нехорошим запахом. Тухлым таким. Подозревали они, что это вообще на самом деле была затея не нашей стороны, а наоборот, хитро поданная от них...

С течением времени эти подозрения не рассеялись, хотя, вроде бы, операция проходила успешно. Все шло по плану. Их агенты у нас, казалось, оставались под колпаком, наши у них под колпак, вроде, не попали...

Но не все концы сходились с концами.

Это можно было, в принципе, списать на неполную информированность подозревавших. Это ведь были не те люди, что планировали операцию. И не те, что ее проводили. Права независимого контроля – бывает и такая вещь – у них тоже не было. Операция задумывалась на самом верху. Задумывалась – если, конечно, ее туда не пропихнули.

Подозревающие не торопились списать не совсем сходящиеся концы на недостаток информации. Но и о своих подозрениях наверх не докладывали. Это можно было сделать, только получив доказательства. Потому что, собственно говоря, официально даже и к информации об этой операции подозревающие не имели доступа... – Он увлекся и говорил теперь быстрее, хотя по-прежнему не отрывал взгляда от бумажки.

Мне стало зябко. Показалось, что в комнате потянуло спертым, сырым и смрадным воздухом склепа. Как будто сюда просочился тухлый запах подозрительной операции. Я опять чихнула, сняла босую ногу с колена и сунула ее в тапок. Теплее не стало. Мурашки по коже продолжали бегать. По полу дуло холодом и сыростью. Я встала и попыталась плотнее прикрыть дверь балкона. Сквозняк не уменьшился, дуло по-прежнему. БГ демонстративно замолчал и неодобрительно взирал на мои манипуляции. Как только я, смирившись, вновь уселась в кресло, постепенно, но неумолимо все больше превращавшееся для меня в зубоветочное, или даже пыточное, он продолжал:

– Когда наш отдел отправили в стратегический резерв (так он предпочитает называть тот пинок под зад, которым нас наградили за старательную службу), так же поступили и с соседним отделом. Раньше мне всегда казалось, что они занимаются какой-то ерундой, притом несуществующей ерундой. Но теперь и наша деятельность стала, можно сказать, призрачной. – Он невесело засмеялся.

– Я обратил внимание на то, что они тоже, лишившись и крыши, и финансирования, сохранили некое подобие структуры. Это вызвало мое уважение. Я стал иногда подкидывать им информацию, если попадалось что-то по их части – помнишь дело тех доморожденных сатанистов, что собирались в полнолуние на Молочной поляне в лесу на горе над Тарасовым?

Еще бы я о нем не помнила, а вот ты, начальник, мне о нем напомнил зря, подумала я, впрочем, не забывая послушно кивать. Мне тогда только чудом, или в результате невероятного везения, что, наверное, одно и то же, удалось спастись от роли жертвенного агнца. Уже и на алтаре растянули, и одежду, гады, разрезали, и нацарапали какие-то линии... Постарались, резали на совесть, чтобы кровь текла, шрамы до сих пор можно заметить, если специально не маскировать... А при моей профессии... ну хорошо, при моей прошлой профессии... да и будущей профессии тоже... запоминающиеся шрамы – не самое удобное, пусть и в таких местах, которые видны или нащупываются только в особых обстоятельствах... Линии нарисовали, наверное, чтобы целиться было удобнее, когда убивать. И уже их главный, как же его должность-то называлась? – бесовместитель, вот! Не бе-совместитель, а бесо-вместитель, надо понимать... Так он уже замахивался на меня... И не ножом даже, а какой-то заковыристой гадо-стью, из которой торчала наискось срезанная трубка... Не иначе, кровь выпить собирался... Хотя зачем такая толстая трубка для крови, да и кровавые знаки он в основном почему-то на моем животе рисовал. Уж не кишки ли вытягивать собирался? Или, наоборот, чем-то накачивать? Мне совсем не хотелось выяснять это на собственном опыте. Так что от бессильной злобы и страха все в животе, на который он нацелился, скручивалось, и сердце останавливалось. Хорошо, наконец-то, яд сработал, и началась паника, которую я сумела использовать. Кляпом-то они мне рот не заткнули... А яду этот бесовместитель удивительно долго сопро-

тивлялся. Я его еще когда он участвовал в моем привязывании к алтарю отравленной иглой кольнула.

Но это бы еще ладно, все-таки мне-то удалось выбраться тогда. А вот моей знакомой Саше и ее мужу Толику, с которыми я так любила ездить на Голву, не удалось. Их убили раньше. Для главного алтаря сочли недостойными и зарезали без всяких изысканных трубок на менее важных алтариках. Профессионально Саша и Толик со мной никак не были связаны, сатанистам попались по моей глупости, и я себе этого простить никогда не смогу. И то, что сатанистов удалось выловить и надолго посадить всех до последнего (выловить – кроме тех, кого в порядке самозащиты пришлось пристукнуть, и посадить – кроме тех, кому дали вышку – тогда она ещё была), от чувства вины избавить меня не может. Отчасти из-за этой истории мне и хотелось сменить профессию с телохранителя на детектива. Чтобы иметь больше возможностей влиять на события. Не только стрелять и руками махать, но и мозгами шевелить.

От предстоящего задания меня все больше охватывали странный ужас и непонятное омерзение, но я ухитрялась не подавать виду. Впрочем, теперь БГ на меня, кажется, и правда предпочитал не смотреть. Уставился в свой листок, как будто решил в нем дыру взглядом прожечь.

– Недавно я дождался от них ответной услуги: получил информацию по тем подозрениям, о которых тебе рассказываю. Хотя соседям об этих подозрениях – и вообще обо всей ситуации – ничего никогда не сообщал. Но у них, значит, есть свои источники. Как они сказали, какие-то планеты сошлись и какие-то флюиды всплыли и просочились, что-то где-то рухнуло, а что-то другое, наоборот, в рост пошло – тут я, признаться, не вник, – на лице Нисимова изобразилось отвращение. – Короче, Ринка, чтобы получить полную информацию по тем подозрениям, тебе надлежит пойти по определенному адресу. Между прочим, суть дела они описали точно, без всяких звезд, планет, флюидов и флогистонов, столпов веры и врат ада. Вот так.

Он поежился, как бы в недоумении от того, что сам же сейчас произнес, но упрямо поставил точку: оторвал глаза от своей виртуальной шпаргалки и посмотрел мне в глаза. Я испугалась еще больше: у него были панические глаза тонущего.

– А меня они откуда знают? – осипшим голосом осведомилась я. Мне было очень холодно.

– Не то что бы знают, просто никто больше не подходит под описание требуемого порученца. Это должна быть “молодая воительница с волосами цвета пламени и глазами цвета травы”. У меня больше таких нет, да и вообще молодых воительниц дефицит. Так что – точно ты, больше никому. А на дело ты должна отправляться, “храня руки чистыми, сердце горячим, а голову холодной”. Иначе тебя ждут “тени городских кошмаров”. Они захотят тебя “своим маревом спеленать и на дне своем упокоить”. Ну, это наши обычные требования, ты им всегда соответствуешь, так что я за тебя не беспокоюсь, – бодро закончил он.

Ой, хитришь, “шеф”, подумала я. И насчет совпадения кто бы говорил. Особенно насчет чистых рук. Тебе ли не знать... И что не беспокоишься, тоже уж лучше бы молчал бы. Глаза-то опять в бумажку свою пустую уткнул.

– Короче, вот тебе адрес, – неожиданно БГ перевернул бумажку и подал ее мне. Я чуть не уронила ее. – Это в конце Покорского тракта, ну, проспекта Зодчих, новые кварталы. Езжай, посмотри там, что к чему, на рожон не лезь, привези информацию... Или нет, не надо.

Я от робкой надежды аж дышать перестала. Раздумал меня посылать, что ли?!

– Лучше тебе не появляться тут больше, это слишком опасно, – безжалостно продолжал он. – Пусть даже там все пройдет нормально, ты сюда не возвращайся, а позвони по номеру: дата твоего настоящего дня рождения задом наперед. Скажешь: “папа поправился”, если подозрения подтвердились. Если операция чистая, скажешь “отец чертыхается”. Если разобратся не удалось, скажешь “родитель наш упрямится”. Поняла?

Я молча кивнула. Не была уверена, что голос меня послушается. Меня опять трясло. Голова была пустая, и в ней свистел осенний ветер.

– Вне зависимости от результата, вот твой гонорар, – тут он полез в карман и выложил на стол пять пачек стобаксовых бумажек.

Я машинально пересчитала одну пачку. Сто бумажек. Могла и не считать: она была стандартная, в банковской упаковке. Значит, тут пятьдесят тысяч. Столько мне и от “новых русских” очень нечасто перепадало, а уж о заданиях БГ и говорить нечего.

Это было уже третье отличие от обычных его заданий. Сначала необычно много информации. И, как я чувствовала, очень вредной для жизни информации. Как говорится, много будешь знать, скоро состаришься. А надо бы наоборот: много будешь знать, не успеешь состариться. Потом полная неконкретность задания. Пускай пойти надо туда – знаю куда, зато в нем имелось типичное принеси то – не знаю что. И теперь эта огромная сумма, как будто только на поддержать ненадолго. Минздрав в моей душе предупреждал меня со страшной силой – прямо-таки в пожарный колокол колотил. Но я, как загипнотизированная, механически убрала деньги в сумочку и пошла натягивать мокрые носки и кроссовки. Они неожиданно оказались сухими и даже теплыми, как будто я провела здесь много часов. Меня опять стало трясти, как будто они были полны ледяной болотной жижи. Но трясти как-то так, что снаружи ничего не было заметно.

Когда я уже практически стояла в дверях, бывший шеф увеличил число отличий от обычных заданий с трех до четырех. Он обнял меня и поцеловал. В губы.

Может быть, я и мечтала об этом время от времени, но теперь не могла ему ответить. Все силы уходили на то, чтобы он не заметил моей дрожи. Меня пронзило ощущение, что мы больше с ним никогда не увидимся. И что он чувствует то же самое. Но я упрямо сопротивлялась депрессии. По крайней мере, внешне. Внутренне она давно мной овладела. Однако я бодро поскакала вниз по лестнице. Надеюсь, моя спина имела выражение презрения к року и неповиновения судьбе.

Глава 2. Ну кто так строит?!

Теперь, после ада гаражей, у меня нет и тени той, хотя бы внешней уверенности в своих силах, с которой я приступала к заданию. Да и без гаражей, о которых я пока вспоминать не в состоянии, ибо вырвалась из них чудом... И даже притом, что чудом, еще и чудовищно дорогой ценой... И без гаражей здешние дворы могут дать сто очков вперед любому лабиринту. А также лесному болоту, где заблудился несчастный Сусанин со своими поляками. Там было, наверное, темно и холодно. У меня же светит солнце, отражаемое слепыми стеклами огромных домов вокруг, а мне все равно кажется, что я в сыром склепе, в смертельном лабиринте под египетской пирамидой, и вот-вот появятся отвратительные ожившие мумии. День кончается, день кончается, настойчиво крутится в голове, а я все там же, и готова лечь и сдохнуть от такой жизни... Я-то думала, что отлично тренирована, а чувствую себя так, как будто не день брожу по этим дворам, а всю свою жизнь. Две своих жизни. Четыре жизни. Восемь.

Ну вот, очередной двор опять точно такой же, как предыдущий! Правая сторона квадрата точно так же в верхней части освещена неярким красноватым светом клонящегося к закату умирающего солнца. Разве что чуть меньшая часть дома и чуть более красным светом. В плитке, пошедшей на облицовку стен, вкраплены кусочки слюды или стекляшки. Но, освещенные красным светом, они почему-то не напоминают об искрах веселого костра, праздничного салюта или еще о чем-нибудь приятном. Замкнутость двора и мое отчаяние превращают их в склизкие, сырые и смертельно холодные стены камеры пожизненно заключенного с медленно стекающими каплями воды, освещенные коптящим факелом. Мои ноги встали и отказываются сделать вперед еще хотя бы один шаг. Завод кончился. Колени ослабли, как будто я в жизни никогда не делала сотнями приседания во время утренней зарядки. Нервы ни к черту, думаю я. Наверное, приближение вечера дошло до подсознания. И оно чувствует, что уж если среди бела дня тут творится такое... то ночи мне точно не пережить!

Та-ак, я так и думала. Из этого квадрата тоже нет арки налево, в нужную мне сторону. На подгибающихся ногах тащусь к арке в дальней стороне квадрата домов. Авось в следующем дворе больше повезет.

Квадрат гаражей в центре двора огибаю. И стараюсь держаться от него подальше. С ними у меня связаны столь жуткие и отвратительные воспоминания, что я скорее в поисках выхода попытаюсь лбом пробить стены дома, чем еще раз сунусь туда. Как, впрочем, и в башню-шестнадцатипэтажку, зловеще возвышавшуюся в некоторых дворах в центре двора...

В таких дворах, кстати, небо немного выше. А то они тут небо какое-то завели, однотонно серое, как будто и не небо вовсе, а потолок пещеры, лежащий прямо на крышах домов. Ужасное небо. Оно еще потому ужасное, что теней никаких нет, и все кажется каким-то нематериальным. Как в кошмарном сне. А впрочем, пожалуйста, пусть будет нематериальным, зато не укусит, храбрюсь я, а у самой поджилки трясутся так, что, кажется, железная дверь ближайшего подъезда сейчас тоже затрясется и залязгает.

Однако мозг, хотя и сжимаемый смертельным ужасом, пока еще работает. Я подметила закономерность: три двора подряд не имеют выхода в направлении проспекта Зодчих, куда я стремлюсь всей душой, потом в одном дворе выход в этом направлении есть. Но за ним опять двор, где в прежнем направлении не пройти. Есть арки только влево и вправо. И это опять первый двор в новой цепочке из трех, где со стороны проспекта Зодчих – стена. То бишь дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.